

Наставник Линь дёрнул за верёвку стенного колокольчика, чтобы предупредить стражей внизу, и сказал Гу Тину:

— Человек внизу, крепко связан, в безопасности. Можешь действовать по своему усмотрению.

Гу Тин сложил руки в поклоне:

— Если наставник Линь доверяет мне, то можете заняться своими делами.

Наставник Линь и вправду был занят. Он махнул рукой и ушёл, оставив механизм открытым — видимо, был совершенно уверен в безопасности княжеской резиденции.

Гу Тин спустился по ступеням и вскоре оказался в небольшой комнате. По обеим сторонам лестницы и в самой комнате горели тусклые светильники. Два стража, стоявшие на посту, при его появлении открыли внутреннюю дверь.

Дальше Гу Тин шёл один. В конце коридора он увидел запертую решётчатую дверь камеры, а за ней — Четвёртую госпожу Гань.

Комната находилась под землёй, пахло сыростью и затхлостью, но крови не чувствовалось. На теле Четвёртой госпожи Гань не было видно ран, одежда тоже не казалась изорванной — похоже, её не пытали и не истязали.

Однако её состояние явно не соответствовало физическому здоровью. Она сидела, прислонившись к стене, с полузакрытыми глазами — то ли от боли, то ли от обострившейся чувствительности. Взгляд был пустым, а весь облик — подавленным, словно она вот-вот сорвётся.

Как так вышло? Без пыток, без ран, без видимых мучений — отчего же она выглядела такой безнадежной? Гу Тин задумался и пришёл к выводу: методы допроса в резиденции князя — Стража Севера, должно быть, чрезвычайно изощрённы.

— Наконец-то кто-то пришёл...

Голос Четвёртой госпожи Гань был хриплым и глухим, ничуть не похожим на мелодичный напев первой красавицы Терема Красного Шёлка.

Гу Тин удивился:

— Разве с тобой никто не разговаривал?

Четвёртая госпожа Гань засмеялась — смех её прозвучал зловеще и странно. Да, в самом начале её допрашивали, но, увидев сопротивление, оставили в покое. Больше никто не приходил, её просто держали в этой тёмной комнате, не зажигая даже свечи. Чёрт возьми, она уже почти сошла с ума!

Но она не собиралась говорить об этом Гу Тину. Она лишь облизала свои поблёкшие, утратившие мягкость губы:

— Угадай.

Не дожидаясь ответа, её глаза вдруг вспыхнули:

— Я тебя узнала. Ты был тогда в комнате терема. Ты... Нет, ты не из людей Ю Дачуня!

Заметив её интерес и явное желание поговорить, Гу Тин прищурился и промолчал.

Четвёртая госпожа Гань проявила нетерпение, во взгляде её мелькнуло безумие:

— Как тебя зовут?

Гу Тин, подражая ей, улыбнулся:

— Угадай?

Четвёртая госпожа Гань, получив ответ, задвигалась ещё оживлённее, возбуждение её росло:

— Это Цзююань. Ю Дачунь — приезжий, он насторожен и не доверяет людям просто так. Если он доверился тебе, значит, ты дал ему что-то ценное... Что именно? Что могло быть столь важно, чтобы Ю Дачунь поверил тебе и выгнал других, оставив в комнате только тебя?

Гу Тин, засунув руки в рукава, молчал.

Четвёртая госпожа Гань прищурилась:

— Я знаю! Ты продал ему Терем Красного Шёлка! Верно? Ты шевельнул губами — значит, это так! Но откуда ты узнал? Мы действовали втайне, лишь недавно переместились в терем, даже Хо Янь не знал об этом. Кто тебе сказал?

Она и вправду отчаянно хотела говорить.

Гу Тин, оценив ситуацию, произнёс твёрдо:

— Цин Сунь умер.

— Не может быть! — Четвёртая госпожа Гань замерла, затем бросилась к двери, глаза её широко раскрылись, налитые кровью. — Ты лжёшь, да? Он не мог умереть! Вы не смогли бы его убить!

Гу Тин удивился. Он собирался использовать это как лазейку, чтобы выудить информацию, ведь из шпионов, связанных с Теремом Красного Шёлка, он знал лишь Цин Суня. Но теперь её реакция оказалась слишком бурной — настолько, что он не мог не понять...

— Он был твоим возлюбленным?

Четвёртая госпожа Гань застыла, в глазах её мелькали сложные эмоции — от досады до одержимости:

— Ха-ха-ха! Всё же я просчиталась!

Гу Тин тут же понял:

— Он был твоим возлюбленным.

— Лучшая тактика отвлечения — сделать ложь похожей на правду, а правду на ложь. Но раз он умер, скрывать больше нет смысла. Да, он был моим мужчиной...

Четвёртая госпожа Гань говорила сквозь слёзы, снимая с головы заколки и шпильки, затем стянула широкую верхнюю одежду и надела её наизнанку.

Она справляла траур по Цин Суню — как могла.

— Но вы убили его... Вы все должны умереть, каждый из вас!

Гу Тин лишь хотел выведать сведения, но нечаянное упоминание Цин Суня привело к неожиданному развитию:

— И впрямь печально. Он умер столь ужасной смертью, а отомстить за него некому. Ты тоже не сможешь — тебе не выйти отсюда.

— Лязг!

Цепи на запястьях Четвёртой госпожи Гань грохнули о дверь камеры:

— Убей меня! Убей меня сейчас, иначе вам всем вскоре придёт конец! Страшный конец!

Эта фраза заинтересовала его.

Гу Тин, прищурившись, задумчиво произнёс:

— Сейчас заперта здесь ты, а не я. Не слишком ли ты уверена в себе?

— Хе... — Четвёртая госпожа Гань странно улыбнулась. — Думаешь, я ничего не могу, пока нахожусь здесь? Всё было подготовлено заранее. Хо Янь не избежит этого, а ты, как его союзник, — тоже.

У Гу Тина ёкнуло сердце. Северные Ди и вправду замышляли нечто против Хо Яня!

Он сохранил спокойствие, даже придав голосу суровость:

— Думаешь, я тебе поверю?

— Могу дать тебе намёк.

Четвёртая госпожа Гань немного приблизилась, в глазах её плясало безумие:

— Знаешь, что было самым болезненным для Хо Яня шесть лет назад?

Гу Тин, конечно, знал:

— Битва в Долине Яростного Пламени.

В той битве он потерял слишком много родных и боевых товарищей.

— И ещё кое-что, — голос Четвёртой госпожи Гань стал холодным, словно змеиное шипение. — Вещь, оставленная его дядей, утерянная там. То, что он ценил как собственную жизнь. Хо Янь всегда жаждал вернуть её. Если Чи Хао использует эту вещь как приманку, как думаешь, Хо Янь бросится в погоню?

Гу Тин резко спросил:

— Что это за вещь? Что именно?

Четвёртая госпожа Гань тихо рассмеялась:

— Ты такой умный — сам догадайся.

Она больше не желала разговаривать с Гу Тином. Даже если ей было одиноко, даже если было невыносимо — говорить она больше не хотела. Она вернулась на своё место, села у стены и устала на свет свечи. Этот слабый огонёк, такой тусклый, теперь казался ей невероятно притягательным.

Это не место для людей. Не дело для людей.

Если будет следующая жизнь, пусть она не родится женщиной. И уж точно не шпионкой.

Гу Тин не знал, через что прошла Четвёртая госпожа Гань, и не мог проникнуть в её душевные терзания. Судя по её настойчивой болтливости, хитрости и жестокости, он понимал: верить ей можно, но не полностью.

В её словах наверняка была и правда, и ложь, и в них точно таились ловушки. Но что правда, а что ложь? И где скрыты эти ловушки?

Гу Тин глубоко задумался.

Цин Сунь был возлюбленным Четвёртой госпожи Гань — это правда. Любовь в глазах не скроешь. При упоминании его имени её реакция была слишком необычной. Жаль, что Цин Сунь покончил с собой — смерть его была слишком неожиданной и быстрой. Никакой полезной информации он не оставил. Для него самого миссия, вероятно, была успешной, но он не знал, что Хо Янь тайно следил за ним, и предположения о его смерти пошли не тем путём, на который он рассчитывал, а вызвали иные размышления... Этого Четвёртая госпожа Гань, вероятно, не ведала.

Самое болезненное для Хо Яня шесть лет назад... Гу Тин чувствовал, что в таких событиях каждая деталь ранит. Но Четвёртая госпожа Гань говорила о некоей вещи, которая, будучи использована как приманка, непременно заставит Хо Яня броситься вслед. Правда ли это? Если да, то что это за вещь? Если нет, то что скрывается за этим?

Гу Тин вышел из подземелья. Снова пошёл снег.

Мелкие снежинки кружились в воздухе, их подхватывал холодный северный ветер, разбрасывая в стороны. Небольшие хлопья, гонимые свирепым ветром, обретали угрожающий вид, словно они были полновластными хозяевами мира, сея беспокойство в глазах и тревогу в сердце.

Гу Тин глубоко вздохнул, засунул руки в рукава и медленно пошёл по каменной дорожке, миновал длинные крытые галереи, прошёл через обширные дворы резиденции.

Крики становились всё ближе.

Ветер крепчал, снег не утихал, но тренировки на плацу не прекращались. Одни занимались кулачным боем, другие упражнялись с копьями или алебардами. Все были в короткой удобной одежде, полны энергии и задора, словно эта вьюга для них — сущий пустяк. Казалось, даже княжеская резиденция и весь город Цзююань не в силах были вместить их мощь — вот как они были сильны!